

Исторические очерки о директорах музея

Автор очерков Заслуженный работник культуры России,
научный сотрудник СПбГМТМИ

Н. И. Вайнберг

100
+ 100

Н. С. Васильева.
Александринский театр.
Фотоателье
«Фотография К. А. Фишер».
Санкт-Петербург.
После 1914

На изображении и обороте черными чернилами дарственная надпись Васильевой: «1917 г. Н. Васильева», «Если Вы желали иметь карточку Н. Васильевой, вот она, милая Мария Александровна, на память о совместной работе в Александринском театре»

Надежда Сергеевна Васильева, первый директор Театрального музея с 1918 до 1920 г.

Шел 1919 год, Гражданская война. Несмотря на колоссальную разруху, запустение в городе, постоянно уменьшающиеся нормы выдачи продовольствия, в Петрограде продолжалась культурная жизнь.

Петроград. По Марсову полю движется странная процессия. Доверху нагруженный мебелью, картинами, коробками и прочим скарбом, тащится обоз, рядом с ним немолодая усталая женщина, придерживающая одной рукой поклажу. Толпа зевак, внимательно наблюдающая за происходящим, перешептывается: «Она похожа на заслуженную артистку Императорских театров Надежду Васильеву». — «Да, это она. Но не может быть!» Оказывается, может...

Именно в это время, как сообщает журнал «Бирюч» за 1919 г., будущему музею передана роскошная казенная квартира директора Императорских театров В. А. Теляковского для создания Театрального музея. История уходит нас на десятилетие назад, в 1908 г., когда с необыкновенным успехом прошла первая театральная выставка, которая стала для музея точкой отсчета своей истории.

Театральное творчество быстротечно, как рисунок на песке, и поэтому важно зафиксировать, сохранить для потомков то немногое, что могло бы представить историю театрального искусства. В фойе Александринского театра в 1887 г. была открыта выставка из собрания И. Ф. Горбунова, но необходимость общедоступного музея назрела со всей очевидностью. Трудную задачу открытия музея с энтузиазмом взяла на себя Надежда Сергеевна Васильева (1852–1920).

В 1918 г. она возглавила комиссию по созданию Музея государственных театров. Выдающаяся актриса, представительница знаменитой актерской династии, она работала в театрах Москвы и Петербурга, держала антрепризу в провинции. Современники отмечали яркие, запоминающиеся, созданные ею образы, отличавшиеся лиризмом и тонким вкусом. В 1895 г. она добилась разрешения постановки запрещенной цензурой пьесы Л. Н. Толстого «Власть тьмы» на Александринской сцене.

Особого внимания заслуживает благотворительная деятельность Надежды Сергеевны. Во время Первой мировой войны актриса активно занималась сбором пожертвований на посылки, которые она отправляла на фронт. В собрании Театральной библиотеки сохранились ценные документы: квитанции за пожертвования на нужды фронта, помощь раненым и беженцам, переписка по поводу устройства благотворительных спектаклей, письма солдат. Все, кто работал с ней, отмечали ее доброту, отзывчивость, готовность помочь.

Будучи очень энергичным и деятельным человеком, она со всем жаром души взялась за организацию Театрального музея в Петрограде. Группа театральных деятелей во главе с Н. С. Васильевой обратилась к директору Императорских театров В. А. Теляковскому с просьбой выделить помещение для экспонирования выставки из фойе Александринского театра и устройства Театрального музея в Петрограде. Время сохранило разговор Н. С. Васильевой с В. А. Теляковским. Актриса настаивала на помещении для музея. «Что вы, наконец, хотите? — воскликнул директор. — Не могу же я отдать под музей свою квартиру!» — «А почему бы и нет?» — ответила артистка...

Прошло время, и «под организуемый музей решено отвести бывшую казенную квартиру директора Императорских театров, по лицевому фасаду выходящую на площадь Александринского театра, прекрасно отделанную, представляющую собой ряд обширных высоких залов». «Лучшего помещения нельзя и желать, но сейчас оно в состоянии полного хаоса», — писал журнал «Бирюч».

На долю Н. С. Васильевой выпала невероятно трудная миссия, которую ей предстояло выполнить, — создание музея. В штате было три человека, да и то без зарплаты, все приходилось делать самим, таскали тяжести, сами переносили музейные предметы. «Ввиду дороговизны и трудности достать рабочие руки, некоторым членам комиссии: В. Я. Андрееву, К. К. Иванову и М. М. Далькевичу пришлось доставлять музейные реликвии и мебель на собственных плечах и спинах, а председателю принимать и устанавливать собственными руками приносимое; ему же однажды пришлось идти по Марсову полю за обозом, как за дорогим покойником».

Н. С. Васильева — Василиса Мелентьева в спектакле «Василиса Мелентьева» по пьесе А. Н. Островского и С. А. Геденова. Александринский театр. Фотоателье «Фотография императорских театров». Санкт-Петербург. После 1892

Чайник, принадлежавший Н. С. Васильевой. Россия. 1850. Серебро

Блокнот с карандашом, принадлежавший Н. С. Васильевой. Россия. 1892. Серебро, кожа, литье, гравировка

Венок Н. С. Васильевой.
Россия. 1909.
Серебро, гравировка

Первые ассигнования на закупку и хозяйственные расходы были получены в октябре 1919 г., а на зарплату сотрудникам, принятым в штат музея в июле 1919 на работу, средства были отпущены только в январе 1920 г. Надежде Сергеевне в ту пору было около 70 лет, и та титаническая работа, которую она взвалила на себя, была поистине подвигом. В это же время она, занятая в репертуаре Александринского театра, готовилась отметить 50-летний юбилей своей творческой деятельности, выступив в роли Бабушки в инсценировке романа Гончарова «Обрыв». Репетиции шли в тяжелой обстановке. Одной из сотрудниц музея, А. Я. Андреевой, она жаловалась, что актеры, начав репетировать, отказывались от ролей, выдвигали свои требования, подводили ее. Надежда Сергеевна мучительно переживала, жаловалась на здоровье. Наконец, 22 октября 1920 г. состоялась генеральная репетиция спектакля, во время которой жизнь Надежды Сергеевны Васильевой обрвалась.

На памятном вечере, состоявшемся в музее 13 декабря, В. Н. Давыдов и А. С. Поляков произнесли прочувствованные слова, была открыта небольшая выставка. Деятельность Н. С. Васильевой по созданию музея и ее работу на его благо трудно переоценить. Только благодаря ее подвижничеству, преданности делу музей процветает до сих пор!

Дочь Надежды Сергеевны, тоже актриса и тоже Надежда Сергеевна (Вишнякова-Танеева) вспоминала: «Мама с радостью расставалась со своими любимыми вещами для того, чтобы пополнить коллекции Театрального музея. <...> Я передала музею большой серебряный лавровый венок». Этот венок до сих пор находится в музее, как, впрочем, и шкатулка, и серебряный чайник.

Петр Николаевич Шеффер, директор музея с 1920 по 1942 г.

16 мая 1921 г. состоялось торжественное открытие первого в Петрограде Театрального музея. Прошло меньше года после смерти директора музея Надежды Сергеевны Васильевой, и Петр Николаевич Шеффер (1868–1942), взявший на себя ее обязанности, спешит представить на обозрение публики только что созданную экспозицию. Открытие было приурочено к 25-летию со дня смерти актера И. Ф. Горбунова, первого собирателя театральных реликвий.

Биография Петра Николаевича Шеффера полна интригующих тайн и загадок. Он прошел путь от Управляющего дворами великих князей Георгия и Александра Михайловичей, приближенного к императорской семье, до советского директора. А между этими этапами жизни были и скромная работа помощника библиотекаря в Императорской публичной библиотеке, дававшая

ему возможность работать над подготовкой к изданию Остафьевского архива князей Вяземских, и библиотечное дело, которым он занимался в только что открытом Русском музее в 1895 г. Первым директором Русского музея стал великий князь Георгий Михайлович. На долю Петра Николаевича выпала большая работа на подготовительной стадии создания музея. Пройдя путь от библиотекаря до помощника директора Русского музея, П. Н. Шеффер заслужил уважение своих коллег и пользовался большим авторитетом. К нему обращались специалисты различных учреждений культуры, всегда получая очень ценные советы.

Н. С. Васильева писала: «Самое близкое, сердечное и ценное для нас участие проявил помощник директора Русского музея Петр Николаевич Шеффер». Он составил Инструкцию по хранению и описанию коллекций музея. Заместителем П. Н. Шеффера был Л. И. Жевержеев, прекрасный знаток театрально-декорационного искусства, меценат и коллекционер, передавший музею большую часть своей коллекции. Трудно переоценить тот вклад, который внес директор в развитие музея. Левкий Иванович писал о Шеффере как о необычайно скромном, требовательном к себе человеке, который дал ряд принципиально важных для дела указаний организационного и методологического характера.

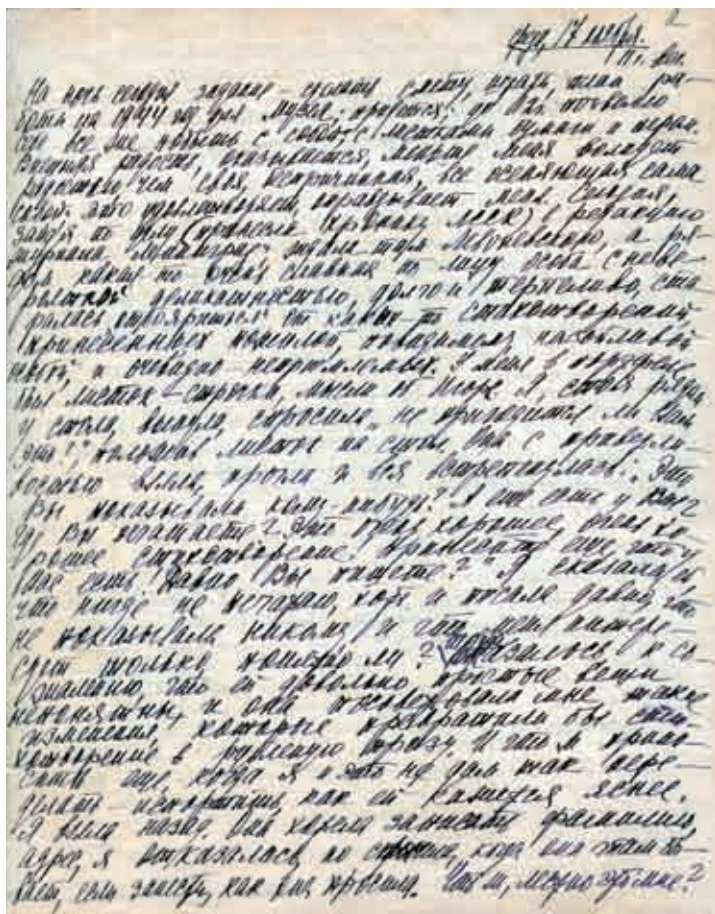
Двадцатилетие директорства Шеффера вобрало в себя определение программы и концепции музея, его становление, комплектование коллекции, формирование коллектива, изнурительную борьбу (к сожалению, не увенчавшуюся успехом) против изгнания музея из его помещения, упаковку высеяемых предметов хранения, а к тому времени их было более 208 000. Борьба была жесточайшей. П. Н. Шеффер проявил отчаянную смелость, подняв городскую общественность, привлекая к защите музея многие творческие организации и известных деятелей искусства, чтобы вернуться в свое помещение.

Они жили и работали в трудное время — идеологическое давление со стороны властей, бесконечные проверки, придирки, замечания по поводу устройства экспозиций. Несмотря на это, атмосфера внутри музея оставалась спокойной и доброжелательной, что было, безусловно, заслугой директора. Для всех сотрудников музей был очень дорог...

Коллектив музея привлек к сотрудничеству выдающихся деятелей старшего поколения и талантливую молодежь. За эти годы музей превратился в один из центров ленинградской театральной культуры. В его залах происходили значимые для отечественного искусства события: первое чтение Владимиром Маяковским сценария «25 октября», названного впоследствии поэмой «Хорошо», первое исполнение Дмитрием Шостаковичем Второй фортепианной сонаты, творческие встречи с Михаилом Чеховым, Леонидом Утесовым, Иваном Соллертинским, Федором Лопуховым и многими другими, в них принимали участие В. Н. Соловьев, В. Э. Мейерхольд, Е. И. Тиме, Н. Н. Ходотов, В. А. Дранишников. Интеллектуальный уровень, творческое начало определили высокую духовную наполненность деятельности музея.

Плуготаренко К. Е.
Портрет П. Н. Шеффера. 1948.
Холст, масло

Страница из дневника
В. Г. Соловьевой.
17 ноября 1943

Жевержеев писал в 1933 г.: «Главнейшая заслуга Петра Николаевича в этот период заключается в том, что он, благодаря исключительному уменью общаться с людьми разного развития и понимания, пробил ту косную атмосферу любительщины, которая могла погубить все дело в самом зародыше. Заслуга Шеффера перед нашим музеем мало кому известна и до сих пор не достаточно оценена. Каким парадоксальным представляется ныне умение рафинированного великосветского эстета, обладающего тонким знанием этикета, общаться с хозяйственниками, управдомами и иными представителями рабоче-крестьянской бюрократии.

В 1937 г. музей после мучительных баталий возвращается в свое помещение, сотрудники распаковывают ящики с экспонатами. С энтузиазмом коллектив под руководством Л. И. Жевержеева и П. Н. Шеффера работает над новой экспозицией. 21 мая 1941 г. состоялось ее торжественное открытие... Через месяц началась Великая Отечественная война. По приказу начальника Комитета по делам искусств было уволено 13 человек, двое ушли на фронт, осталось шесть: П. Н. Шеффер, Л. И. Жевержеев, А. С. Нотгафт и три уборщицы. Обессиленные, они боролись за жизнь. Петр Николаевич просил разрешения поставить в музее хотя бы маленькую печурку, чтобы согреть руки, хлопотал о переводе музея в другую категорию

и т. д. С ноября по декабрь 1941 г. норма выдачи хлеба для служащих была «125 блокадных грамм».

Левкий Иванович не уходил из музея домой. Ослабленному Жевержееву уже было не дойти до дома. Музей стал его последним пристанищем. 16 января 1942 г. на своем рабочем месте скончался 60-летний Л. И. Жевержеев. Место захоронения неизвестно.

74-летний П. Н. Шеффер, находившийся на казарменном положении, очень ослаб. 16 декабря 1941 г. он подписал последний документ. О его последних месяцах жизни мы знаем только: «Петр Николаевич 2 месяца пролежал в стационаре, временами казалось, что самочувствие и состояние его улучшаются, но спасти его не удалось». Он умер 11 марта 1942 г. Место захоронения неизвестно.

В 1948 г. по заказу коллектива музея ленинградский художник Константин Епифанович Плуготаренко написал портрет П. Н. Шеффера, хранящийся в музее.

Службное удостоверение В. Г. Соловьевой. 1943

Вера Григорьевна Соловьева, директор музея с 1942 до 1945 г.

«Я помню промерзшие залы Театрального музея в конце войны. Пусто. Со стен, со щитов все снято. В залах стоят ящики, это аккуратно упакованные музейные материалы. Их не успели вывезти на "большую землю". Мне сказали, что Петр Николаевич Шеффер и Левкий Иванович Жевержеев, оберегая музейные ценности, оба отказались уехать из Ленинграда. Они оба остались в блокадном Ленинграде и оба умерли в своем музее», — писала художник Вера Милютина.

Вера Григорьевна Соловьева (1896–1969) была назначена директором музея 1 апреля 1942 г. в трагический период его истории. Позже она напишет: «Весь штат его [музея] сотрудников, большая часть которых проработала в нем со дня открытия, во время блокады погиб (сохранился только один научный сотрудник, эвакуировавшийся с театром, и 1 уборщица)».

Музыковед В. Г. Соловьева столкнулась с невиданными ранее трудностями. Время было очень тяжелое. Шла война. Блокада Ленинграда. Норма выдачи хлеба немного прибавилась (300 граммов), но голод и холод продолжали мучить. И в этих условиях Вере Григорьевне, практически, надо было вновь создавать музей, искать научных сотрудников, набирать штат, решать экономические и хозяйственные вопросы. Так, в присланной музею смете на 1944 г., Планово-финансовый отдел Комитета по делам искусств при Совнаркомом ассигновал сумму расходов на аренду помещения музея — 6 тысяч рублей без отопления, в то время когда она составляет более 23 тысяч с отоплением. В. Г. Соловьева в ответе очень аргументированно пишет о необходимости пересмотра сметы и включения в нее статей: пополнение фондов, расходы на фотографирование, текущий ремонт, реставрация экспонатов и многие другие, обеспечивающие нормальное функционирование вверенной ей организации. Но увы, вместо понимания со стороны вышестоящей

В. Н. Всеволодский-Гернгросс.
1949

На фото синими чернилами дарственная надпись Ленинградскому театральному музею: «Дорогому для моего сердца Ленинградскому Театральному Музею. Из всех видов театроведческой работы самой увлекательной была работа музейная. В. Всеволодский-Гернгросс. Москва. 10 января 1949 г.»

организации, поступает новое распоряжение об изъятии из сметы музея в Союзный бюджет 5 тысяч рублей.

В. Г. Соловьева набирает штат музея — задача для этого времени непростая. Среди научных сотрудников, взятых на работу в музей в 1943 г., была талантливая М. Г. Португалова (театровед), ставшая впоследствии педагогом многих наших коллег, выпускников Театрального института им. Островского.

Репутация музея и авторитет его работников были столь высоки, что уезжавшие в эвакуацию деятели театра сдавали ценные вещи музею на хранение, зная, что смогут получить их обратно. Сохранились расписки Леонида Вивьена, Натальи Рашевской, Софьи Юнович в том, что они получили свои вещи. Узнав о смерти режиссера, близкого друга Ф. И. Шаляпина, И. Г. Дворищина, который бережно хранил вещи, оставленные ему Шаляпиным при отъезде из России в 1922 г., В. Г. Соловьева и сотрудница Управления по делам искусств (ее имя не удалось установить) из дома на улице Графтио, 2 на Петроградской стороне, где жил Дворищин, вывезли на санках ценнейшие материалы о жизни и творчестве Ф. И. Шаляпина. Упакованные и опечатанные вещи Шаляпина и Дворищина до конца войны хранились в музее, а потом были возвращены владельцам.

В 1944 г. в дневнике, хранящемся в музее, есть запись В. Г. Соловьевой: «Всеволодский-Гернгросс сказал о своем назначении директором музея». В. Г. Соловьева была переведена на должность главного хранителя. Последние документы, адресованные ей, как директору, датируются 4 апреля 1945 г.

Всеволод Николаевич Всеволодский-Гернгросс, директор музея с 1945 по 1947 г.

Выдающийся ученый, основоположник современного театроведения, профессор Всеволод Николаевич Всеволодский-Гернгросс (1882–1962) стал директором музея в 1945 году. Вся жизнь его была связана с театром: актер Александринки, основатель Института живого слова, создатель Экспериментального театра, Этнографического театра при Русском музее, директор Института истории искусств в Ленинграде (1923–1941), директор Института истории искусств в Москве (1944–1961).

Помимо создания обширной научно-исследовательской литературы по истории театра, В. Всеволодского волновали новые формы театральной и музейной практики. Театр в музее — «это единственная в своем роде научно-художественная организация, так как театральная репродукция усиливает впечатление и помогает глубокому усвоению культурных явлений прошлого и настоящего».

Таким образом, исходя из этой концепции, пространство театра, актеры, подлинный вещевой материал, сценическая интерпретация — все становилось составной частью, продолжением музейной экспозиции или «живым» музеем. Думается, что, если бы замысел был претворен, — это был бы совершенно уникальный и интереснейший музей!

С этими блестящими идеями он пришел в Театральный музей, но для их воплощения время было совсем неподходящее. До 1947 года музей был в стадии консервации. Новые, только что принятые сотрудники не знали фондовых материалов, происходило первое знакомство с теми предметами, хранителями которых они стали. Обуреваемый мечтами о скорейшем создании «живого музея», он очень требовательно и резко командовал сотрудниками, вызывая из отпусков или отменяя их вообще, предлагая продлить рабочий день до 12–14 часов. Пережившие блокаду ленинградцы были ослаблены и очень нуждались в восстановлении сил и здоровья. Обстановка внутри коллектива накалялась, тем более что Всеволод Николаевич с 1941 года жил в Москве, являясь директором Института истории искусств.

Он руководил нашим музеем заочно, приезжая в Ленинград не чаще одного раза в месяц. Драматическая ситуация разрешилась 27 декабря 1946 года коллективным письмом о невозможности работать в таких условиях и в таком темпе. Был поставлен вопрос о необходимости замены директора. Подписали все сотрудники. 23 марта 1947 года Всеволод Николаевич сдает дела.

С сожалением рассматриваем мы два года директорства В. Н. Всеволодского-Гернгросса, ибо этот блистательный талантливый театровед (кстати, название профессии было им самим придумано), полный интереснейших замыслов, мог бы создать необыкновенный музей! Не дано, опередил время...

Андрей Андреевич Бартошевич, директор музея с 1947 до 1949 г.

17 ноября 1947 года открылась новая экспозиция музея, приуроченная к 30-й годовщине Октября. Это стало большим событием, ибо музей с 1930 г. переживал тяжелые этапы своей истории: выселение из своего помещения, консервацию на многие годы.

Открытие музея состоялось уже при новом директоре Андрее Андреевиче Бартошевиче (1899–1949), принявшем музей в марте 1947 г.

Он не был случайным человеком для музея. Архивные документы сообщают нам о том, что А. Бартошевич активно участвовал в жизни музея

В. Н. Всеволодский-Гернгросс — Шепелев в спектакле «Сполохи» («Жизнь достанет») по пьесе В. А. Тихонова. Александринский театр. Премьера: 18 октября 1908. Фотоателье «Фотограф императорских театров К. А. Фишер». Санкт-Петербург. 1909

На фото черными чернилами надпись: «Если ехать на Москву из Питера не через Тверь, то приходится делать крюк. В. Всеволодский. 19.IV.09»

А. А. Бартошевич.
1940-е

в числе «Друзей музея». Он нашел в музее близких по духу искусствоведов. Знакомство с коллекцией музея, общение с Л. И. Жевержеевым, Г. В. Стебницким, П. Н. Шеффером многое дали молодому исследователю.

Андрей Андреевич преподавал историю изобразительного искусства в Театральном институте и в Академии художеств, был председателем секции искусствоведения Союза художников. Особенно важной для него стала работа заведующим литературной частью в Театре Комедии, руководимом Н. П. Акимовым. Знакомство с этим выдающимся художником и режиссером, впоследствии переросшее в дружбу, в значительной мере сформировало творческую личность А. А. Бартошевича. Известно, что Николай Павлович был избирателен в отношениях с друзьями. Драматург Л. Рахманов писал: «Акимов был на ты лишь с В. М. Глинкой [научным сотрудником Эрмитажа] и с А. А. Бартошевичем, завлитом театра и директором Театрального музея». Сфера интересов Андрея Андреевича была широка. Он — автор статей о Б. М. Кустодиеве, Н. Н. Синельникове, Александринском театре, написал книгу о Н. П. Акимове, множество рецензий на разные спектакли.

Во время ленинградской блокады был заместителем начальника Управления культуры Б. И. Загурского. Вел дневник, где день за днем описывал трагическую картину Ленинграда. А. Бартошевич всю войну жил на ул. Зодчего Росси и хорошо знал обстановку и в городе, и в музее. Оставил потрясающий Блокадный дневник, где он приводит таблицу потерь творческих организаций Ленинграда. В Театральном музее до войны работало восемь человек, на 15 апреля 1942 г. осталось три и три человека умерло. Один сотрудник призван в армию, один ушел на войну добровольцем.

По воспоминаниям военных лет Л. В. Шапориной: «Бартошевич собирает материалы и пишет книгу или большую статью о патриотических настроениях в русском театре: “Я упиваюсь этой работой, она мне дает силы”. Полтора месяца зимой он провалялся, жена все продавала и покупала продукты, выкарабкался и с увлечением работает. “Важно, чтобы к окончанию войны иметь что-то в портфеле. Морально важно”».

В 1943 г. А. А. Бартошевич был призван в действующую армию. Воевал на Ленинградском фронте. Поразил всех своей храбростью и мужеством. Через несколько месяцев после призыва он, работая в штабе, под ожесточенным огнем противника вынес важные секретные документы. За этот подвиг был награжден медалью «За отвагу». Другая медаль, «За боевые заслуги», была вручена ему за четкие и оперативные действия во время боя при форсировании реки Нарвы.

После возвращения в Ленинград много писал, к 50-летию МХАТа работал над книгой (6 печатных листов), но издать не успел.

С большим энтузиазмом руководил музеем, был полон творческих планов. В августе 1947 г. он задумывает издать книгу о музее с иллюстрациями, авторами которой были бы научные сотрудники: Е. Измайлова и Л. Рутенберг. Развил бурную деятельность по популяризации музея, разослал письма

в театры с просьбой присылать в музей материалы по премьерам и текущим спектаклям, основал Кабинет советского театра, задачей которого была собирательская работа. Резко оживил массовую работу, наладив связь с уполномоченными по распространению билетов в музей, при нем было открыто 20 выставок из фондов музея. Хлопотал о расширении помещения и, чтобы как-то разгрузить фондохранилище, построил там галерею-антресоли. Писал о переводе музея во 2-ю категорию, его обращение поддержали выдающиеся театральные деятели: Мичурина-Самойлова, Вивьен, Черкасов.

Бартошевич организовывал конференции, поддержал линию П. Н. Шеффера, заключающуюся в том, что музей должен сам создавать некоторый материал с помощью фотофиксации и зарисовок спектаклей, а не только коллекционировать.

Его энергия, творческие способности, здоровье были отданы на процветание нашего музея. Но, к величайшему огорчению, сердце не выдержало: он скоропостижно скончался в 49 лет.

Деятельность Андрея Андреевича Бартошевича на посту директора музея была плодотворной, это был новый этап в развитии и пропаганде музея.

Евгений Михайлович Кузнецов, директор музея с 1949 по 1953 г.

С 30 апреля 1949 г. Евгений Михайлович Кузнецов (1900–1958) — театровед, театральный критик, теоретик и историк эстрадного и циркового искусства — назначен директором музея. Его связывали с музеем давние отношения. Еще в юности началось его страстное увлечение театром. Первые документы с упоминанием Кузнецова, сохранившиеся в музее, относятся к 1922 г. Он был среди слушателей лекции В. Р. Рапапорта «Театральные достижения Москвы». Очень интересным и полезным для него оказалось знакомство с бывшим директором Императорских театров В. А. Теляковским. Из письма Теляковского от 15/1 1924 г.: «Кузнецов — молодой человек, бывший лицеист, теперь зав. театральным отделом «Красной газеты», тот самый, который понудил меня начать разрешаться от бремени моего писания. <...> Кузнецов — один из тех единственных людей здесь в Петербурге, который в курсе всей плодovitости моих работ, как бывших, так и настоящих. Он знаком со всем громадным количеством моего материала». Результатом их содружества стали опубликованные «Воспоминания», «Императорские театры и 1905 год», «Мой сослуживец Шаляпин» Теляковского под редакцией Кузнецова. Его интересовала не только история отечественного театра, но и его сегодняшний день. Евгений Михайлович — автор многих книг по истории театра, цирка, эстрады, книги о Горбунове, под его редакцией вышел

Кузнецов Е. М.
Фотография предоставлена
Музеем Большого
Санкт-Петербургского
государственного цирка

в свет двухтомник воспоминаний А. Мгеброва, «Записки советского актера» Черкасова и многих других. Автор монографий «Конный цирк», «Арена и люди советского цирка», пьесы «Победители».

С 1935 по 1938 г. был заведующим Музеем Ленинградского цирка, художественным руководителем Цирка. В 1939 г. ему было присвоено звание Заслуженного деятеля искусств РСФСР.

В 1946 году Кузнецов был назначен редактором отдела искусства журнала «Звезда». В 1947 г. по постановлению политбюро ЦК вошел в состав Комитета по сталинским премиям в области искусства и литературы. В 1948 г. в связи с нападками на «Звезду» Е. М. Кузнецов был в опале, его обвинили в космополитизме, подвергли критике, шельмованию за якобы низкопоклонство перед Западом и «перекинули» в Театральный музей. Еще раньше он входил в правительственную комиссию по приемке экспозиции музея, посвященной истории советского драматического театра, и оставил положительный отзыв об экспозиции. С 1947 г. Евгений Михайлович — член Ученого совета музея, в 1949 г. вступает в должность директора музея и сразу же активно включается в решение насущных проблем. Борется за передачу квартиры скончавшейся Мичуриной-Самойловой под нужды музея. Пишет письма об ассигнованиях на закупку экспонатов. Суммы, выделяемые музею, с 1947 г. снижались, а в 1950 г. полностью прекратились. Музей не смог приобрести остатки исключительно ценного личного архива Ф. И. Шаляпина. Е. М. Кузнецов возлагал надежды на визит члена Закупочной комиссии т. Аллах-Вардиница. Но, как пишет Евгений Михайлович, «приезд был достоин юмористического журнала», и все надежды рухнули. Проблемы и еще раз проблемы, многие из которых пришлось решать уже следующему директору.

С 20 марта 1953 г. Е. М. Кузнецов освобожден от занимаемой должности и переведен на должность заведующего литературной частью Академического театра драмы им. Пушкина.

В 1955 г. переехал в Москву, основал журнал «Советский цирк», в котором работал главным редактором. В 1958 г. в Москве покончил жизнь самоубийством.

Алексей Николаевич Кочетов, директор музея с 1953 по 1963 г.

Алексей Николаевич Кочетов (1910–2004) был назначен директором Театрального музея, имея большой опыт руководящей работы в сфере культурных учреждений. После окончания Историко-лингвистического института (он свободно владел тремя иностранными языками) работал в Улан-Уде в созданном им антирелигиозном музее заместителем директора по науч-

ной работе. А. Н. Кочетов объездил с лекциями Забайкалье и в 1940 г. вернулся в Ленинград. Последний предвоенный год работал в Музее истории религии. Предмет его изучения — восточные религии, в особенности он увлекся буддизмом и поэтому решил продолжить образование в аспирантуре Института востоковедения Академии наук СССР у академика востоковеда Ф. И. Щербатского.

Грянул 1941 год. Алексей Николаевич рвался на фронт, но по болезни (туберкулез), призыву в армию не подлежал. Однако уже в июле 41-го сам пошел добровольцем. В январе 42-го был демобилизован по болезни. Его приемная дочь Н. А. Цветкова писала: «Немного окрепнув в стационаре, устроенном в подвалах Эрмитажа, выехал из блокадного Ленинграда по “Дороге жизни”». Во время войны работал директором сельской школы под городом Галичем, служил в органах спецпропаганды.

Осенью 1945 г. Кочетов получил назначение в Германию начальником отдела культуры Советской военной администрации Земли Саксония. Он призвал деятелей театра вернуться к классикам мировой и немецкой драматургии, а также ставить пьесы советских драматургов. Масштаб его деятельности в восстановлении культурных ценностей Дрездена был широк: организация гастролей советских артистов, возрождение Дрезденской галереи, проведение первой германской выставки работ современных художников и т. д.

В 1949 г. Алексей Николаевич по возвращении в Ленинград поступил в аспирантуру Театрального института на театроведческий факультет. Писал много рецензий о спектаклях разных театров.

С 1953 г. на целое десятилетие его жизнь будет связана с Театральным музеем. Широко образованный, энергичный, обаятельный, чрезвычайно доброжелательный ко всем — таким он запомнился всем сотрудникам. Авторитет его при этом был очень высок. Под его руководством все трудились с энтузиазмом. Деятельность А. Н. Кочетова была очень успешной. По существу, за эти годы удалось создать другой, обновленный музей. Открылась новая экспозиция по истории драматического театра, введен раздел, посвященный музыкальному театру, выставки «Чехов», «Савина», «Артисты Актрамы», «Оперы Глинки» и другие имели успех у зрителей. В музей пришли на работу талантливые молодые театроведы, полные новых идей. Директор всячески

М. А. Шварц (зам. директора),
Е. К. Попова (науч. сотр.),
Е. С. Долгинов (науч. сотр.),
Н. В. Петров (режиссер),
А. Н. Кочетов (директор музея,
стоит, наклонившись вперед),
Л. А. Рутенберг (науч. сотрудник)
в Ленинградском театральном музее.
1956

поддерживал их в осуществлении, казалось бы, несбыточных предложений. Событием для музея стало введение в практику звукозаписей. Голоса прошлого мирового театра зазвучали в его залах. Начались регулярные лекции-концерты звукозаписи. Первый концерт «Искусство Федора Шаляпина» вызвал такой интерес, что очередь за билетами стояла вокруг Екатерининского сада. Каждая тематическая экскурсия с тех пор сопровождалась демонстрацией записей. Алексей Николаевич рассказывал по радио о музее и его лекции. На больших предприятиях, в общественном транспорте расклеивались рекламные афиши музея.

Кочетов столкнулся с тем, что в музее было очень мало материалов, отражающих современный театр. Началась большая и успешная работа по сбору экспонатов. Пришлось прибегнуть к созданию на заказ произведений, которые могли бы воссоздать утраченные изображения актеров, сцены из спектаклей. На заводе им. Ломоносова приобретался художественный фарфор театральной тематики. Музей начал собирать материалы о народных театрах, интерес к которым в послевоенное время резко вырос. При музее был создан ученый совет, принимавший активное участие в работе нашего учреждения. Велась научная работа. Результаты своей деятельности Алексей Николаевич подытожил в написанной им книге о музее «Занавес не опускается»: «За несколько лет целеустремленной, систематической работы музей накопил такое количество художественного материала по современности, которым не может блеснуть ни одна предыдущая эпоха развития театра».

В 1962 г. А. Н. Кочетов защитил кандидатскую диссертацию на тему «Проблемы критики идеологии буддизма». Я, принятая на работу в музей годом раньше, помню тот незабываемый день, когда Алексей Николаевич, окруженный своими друзьями-коллегам, после успешной защиты вошел в музей. Мне доверили включить в этот момент запись Первого концерта для фортепиано с оркестром Чайковского. Полилась величественная торжественная музыка. Это был момент единения и радости всего коллектива, признание заслуг Алексея Николаевича Кочетова, благодарность за годы совместной работы.

В 1963 г. он был назначен директором музея-заповедника Ясная поляна. На А. Н. Кочетова обрушилась масса хозяйственных проблем и забот, ибо надо было поддерживать усадьбу такой, какой она была при жизни Л. Н. Толстого. В 1964 г. он переезжает в Москву, и вся его дальнейшая жизнь связана со столицей. В 1974 г. Кочетов защитил докторскую диссертацию «Буддизм и ламаизм», написал книгу «Искусство и религия», работал профессором кафедры философии Московского педагогического института, ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки.

До конца своего земного пути Алексей Николаевич Кочетов сохранил страстный интерес к окружающему миру. Он изучал йогу, писал стихи, у него открылся талант живописца. В Москве состоялась выставка его работ.

В 2004 г. А. Н. Кочетов скончался.

Инна Карловна Клих, директор музея с 1963 по 1974 г.

Большинство сотрудников Театрального музея к приходу в 1963 г. Инны Карловны Клих (1904–1974) на пост директора уже знали ее как ответственного, последовательного и справедливого руководителя. В течение многих лет она была деятельным ответственным секретарем ленинградского отделения Всероссийского театрального общества (ВТО). Ее исключительной порядочностью, принципиальностью восхищались многие деятели искусства. Работая в тесном контакте и полном согласии с председателем ленинградского отделения ВТО, выдающимся актером и замечательным человеком Н. К. Черкасовым, И. К. Клих удалось многим помочь, в особенности в период сталинских репрессий и борьбы с «космополитизмом». В начале 60-х и над Инной Карловной начали сгущаться тучи. Ей пришлось добровольно покинуть этот пост.

Ее энергия, организационный талант, дальновидность нашли применение на посту директора Театрального музея. Благодаря Инне Карловне музей поднялся на новую ступень развития, получив возможности для расширения за счет открытия филиалов. По ее инициативе был открыт музей-квартира Н. А. Римского-Корсакова на Загородном проспекте, 28, где композитор жил до своей кончины в 1908 г. После его смерти квартира превратилась в коммунальную, но мемориальные вещи из этого дома не пропали. Идею создать музей поддержали еще жившие в то время потомки Римского-Корсакова. После смерти композитора и его жены все подлинные предметы и мебель бережно хранились наследниками, которые с радостью передавали мемориальные предметы в музей, где таким образом была воссоздана исторически достоверная обстановка квартиры Римского-Корсакова. Но чтобы превратить квартиру в музей, директору предстояло решить массу очень сложных проблем, прежде всего — расселить жильцов этой квартиры.

27 декабря 1971 г. открылся мемориальный музей-квартира Н. А. Римского-Корсакова, который по подлинности интерьеров не уступает крупнейшим композиторским музеям России.

Театральный музей создавал новые формы работы, он был единственным в городе местом, где проводились регулярные лекции-концерты с демонстрацией уникальных звукозаписей. В летнее время начались выставки в Петергофе. Своя публика была у нас в Павловске, где неизменной популярностью пользовались лекции наших научных сотрудников. По инициативе И. К. Клих сотрудники записывали репетиции спектаклей. Так, в рукописном отделе фондов хранится запись репетиций спектакля Г. А. Товстоногова «Три сестры», сделанная научным сотрудником Н. С. Пляцковской. Создавались альбомы фотографий, фиксировавшие спектакли ленинградских театров. Инна Карловна добилась передачи музею более 3000 костюмов из гардеро-

И. К. Клих.
Конец 1930-х

Слева направо сидят:
Н. Р. Гольдарбейтер, ?,
Г. А. Товстоногов, Д. М. Шварц,
И. К. Клик; стоят: С. М. Осовцов,
И. И. Шнейдерман, ?, ?.
До 1963

ба Императорских театров, которыми пользовались участники самодеятельности. Музей получил ценнейшие театральные костюмы, в которых выходили на сцену Ермолова, Савина, Варламов и другие знаменитости. Она привлекла к музею выдающихся деятелей ленинградской сцены: Николая Черкасова, Николая Акимова, Леонида Вивьена, Юрия Толубеева, и их встречи со зрителями имели большой успех.

Ее муж — талантливый театровед И. И. Шнейдерман — был любимым педагогом студентов Театрального института, он тоже в свое время претерпел унижения и гонения, но Инна Карловна помогла ему пережить горести лихолетья. По ее просьбе он читал лекции для сотрудни-

ков музея по истории театра — о В. Э. Мейерхольде, А. Я. Таирове, К. А. Марджанове, Н. Н. Евреинове, чьи имена в то время были запрещены даже к упоминанию.

Открытие второго филиала — музея-квартиры Ф. И. Шаляпина — стало знаменательным событием в истории Театрального музея, претворение в жизнь этого архиважного предприятия целиком является заслугой И. К. Клик. В 1964 г., узнав от И. Л. Андронникова о том, что владелец оставшегося имущества Шаляпина распродает вещи, Клик сразу поехала в дом на Графтио. Она твердо решила, что в этом доме она должна открыть музей великого артиста. Задача труднейшая, ибо для официальных кругов Шаляпин был эмигрантом, предавшим Родину. Инна Карловна нашла компромиссное решение, которое приняли в Смольном: предложила создать филиал Театрального музея — отдел истории русской оперы. Началась труднейшая работа по расселению 17 семей из коммунальной квартиры, судебная тяжба со старшей дочерью Шаляпина — Ириной Федоровной, претендовавшей на имущество. Марфа, Марина (дочери Федора Ивановича от второго брака) и их сводная сестра Стелла, которые выросли в этой квартире на Графтио, преподнесли музею бесценный дар — портрет Шаляпина работы Бориса Кустодиева. После реставрации он занял свое место в гостиной. Вокруг музея образовался круг преданных друзей Федора Ивановича, их поиски и находки обогатили собрание музея.

11 апреля 1975 г. филиал Театрального музея «Отдел истории русской оперы» открыл свои двери. Но Инны Карловны Клик на торжестве не было. Смерть настигла ее в 1974 г. Ее могила находится на Северном кладбище в Парголово.

Все сотрудники, работавшие под ее руководством, сохранили о ней самые светлые и добрые воспоминания.

Григорий Залманович Мордисон, исполняющий обязанности директора музея с 1973 по 1974 г.

В 1973 г. тяжело заболела И. К. Клих, и исполняющим обязанности директора музея был назначен ее заместитель по научной работе Г. З. Мордисон (1925–1993). Он работал в музее с 50-х годов, сначала научным сотрудником, затем заведующим экспозиционным отделом, заместителем директора. Ему принадлежат разработки и организация многих выставок в музее и на других площадках. Эрудированный, образованный, высокоинтеллектуальный, Г. Мордисон был блестящим лектором. Но в годы директорства приходилось заниматься не столько научной работой, сколько организационной. И на этом поприще Григорий Залманович проявил незаурядные способности, в особенности в период подготовки к открытию Мемориального музея-квартиры Н. А. Римского-Корсакова и Дома-музея Ф. И. Шаляпина.

Г. З. Мордисон — высокопрофессиональный театровед: под его редакцией вышли в свет мемуары Н. Н. Ходотова «Близкое-далекое», книга о молдавском актере Жосуле, о Прасковье Жемчуговой и другие. Он написал монографию «Жизнь актера Павла Васильева». Его докторская диссертация была посвящена малоизвестным страницам истории театра. Главным его трудом стал изданный им двухтомник «История театрального дела. Основание и развитие государственного театра в России (XVI–XVIII века)».

В 1975 г. Г. З. Мордисон ушел из музея на должность профессора Института театра музыки и кинематографии им. Н. К. Черкасова.

Г. З. Мордисон проводит экскурсию для участников Республиканского семинара музейных работников. Декабрь 1970

И. В. Евстигнеева.
1990-е

Ирина Викторовна Евстигнеева, директор музея с 1974 по 2005 г.

Ирина Викторовна Евстигнеева (1936–2005) пришла на работу в музей после службы в Куйбышевском райкоме КПСС. Коллектив отнесся к ее назначению настороженно. Несмотря на то что научным сотрудникам постоянно напоминали о долге нести культуру в массы сообразно политике коммунистической партии как бойцам идеологического фронта, в лекционной и экскурсионной работе мы сохраняли свободомыслие.

И. В. Евстигнеева со свойственной ей энергией и увлеченностью сразу же включилась в работу и доказала всем, что она не случайный человек в Театральном музее, она знает, любит театр и имеет большой багаж театральных впечатлений. Нужно было завершить экспозицию в музее Шаляпина, которую создавал, так же как и в музее-квартире Н. А. Римского-Корсакова, талантливый художник Г. Г. Коган, и 11 апреля 1975 г. состоялось долгожданное открытие музея на ул. Графтио, 2Б.

За 30 лет руководства И. В. Евстигнеевой музей сделал гигантские шаги на пути своего преобразования, вышел на качественно новый уровень. Сегодня, благодаря плодотворной деятельности Евстигнеевой, музей стал целым музейным комплексом. Она продолжила работу И. К. Кликх по открытию новых филиалов.

В 1990 г. И. В. Евстигнеева присоединила к музею Шереметевский дворец после освобождения его помещений Институтом Арктики и Антарктики. Надо было обладать отвагой и прозорливостью, чтобы увидеть в разрушенном здании роскошный дворец — шедевр архитектуры XVIII в. Я помню первое впечатление от увиденного: развалины, сырость, полы прогнили. Невозможно было вообразить, что восстановленный дворец предстанет через несколько лет во всем блеске и станет одним из культурных центров Санкт-Петербурга с интересными образовательными и концертными программами.

Несколькими годами позже, в 1994 г., Ирина Викторовна добивается открытия филиала музея в только что построенном отеле «Невский палас» Мемориальной квартиры семьи актеров Самойловых. Благодаря ее деятельности в музей поступили ценные частные собрания А. М. Сараяевой-Бондарь, В. М. Голод, личные вещи и архив А. К. Глазунова и другие уникальные материалы.

Директор умела прислушиваться к мнению сотрудников музея. Мне удалось увлечь ее идеей создания детской площадки «Волшебный мир театра» на пл. Островского. Эта необычная интерактивная экспозиция, открытая более 20 лет назад, пользуется большим успехом у детей и взрослых. Здесь же, в Театральном музее, Евстигнеева начала строить театральный зал по эскизу Э. Кочергина, но завершить работу пришлось уже новому директору — Наталье Ивановне Метелице.

И. В. Евстигнеева обожала преобразовывать, строить. Фонды нашего музея не ремонтировались с 1919 г. Директор обустроила для фондохранилища новые, прекрасно оборудованные помещения в доме на Графтио.

Особого внимания заслуживает выставочная деятельность музея. По масштабу выставок наш музей стал совершенно уникальным. «Первой ласточкой» стала выставка «Театр. Образы. Реликвии» в Центральном выставочном зале «Манеж» в 1986 г. Она продемонстрировала ценнейшие материалы нашей коллекции, художественный вкус и мастерство экспонирования. Работа художника Григория Когана значительно способствовала успеху, и он стал постоянным дизайнером музея. Громадный успех имели выставки «Искусство балета в России» в Парижской опере, «Русский балет. 1830–1930» в Нью-Йорке, «Из России с любовью» в Национальной Галерее Австралии и многие другие. География выставок постоянно расширялась и охватила все материки земного шара, за исключением разве что Антарктиды. Инициатором такой активной, интенсивной и очень успешной работы была Наталья Метелица, в те годы - заместитель директора по научной работе.

Кардинально изменились театральные-концертные программы в Театральном музее на пл. Островского. Выбор строился на приглашении не только знаменитостей, но и молодых, непризнанных исполнителей, которых, по мнению сотрудников, музей должен поддержать. На сцену Концертного зала музея выходили Валерий Агафонов, Юрий Стоянов, тогда начинающие артисты. В стенах музея родились выдающиеся театральные работы Алексея Девогченко «Концерт Саши Черного для фортепиано с артистом» (режиссер Г. М. Козлов), Сергея Дрейдена «Немая сцена» (режиссер В. Б. Шабалина), «Блистательный Санкт-Петербург» Юрия Томашевского (режиссер В. Б. Шабалина), моноспектакли Игоря Ларина, Владимира Козлова и другие, продемонстрировавшие яркие таланты.

Увлеченность, подвижничество, самоотверженная отдача себя работе — это жизненное кредо И. В. Евстигнеевой. Она была требовательна к сотрудникам, не терпела лентяев и лгунов. Она не имела семьи, и музей, которому она отдавала всю свою жизнь, был ей очень дорог.

27 декабря 2005 г. в великолепном, возрожденном Ириной Викторовной Евстигнеевой, Белом зале Шереметевского дворца мы прощались со своим директором. Она похоронена в колумбарии Александро-Невской лавры.